

Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович

**ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ
РЕЖИМЫ**

Концептуальная структура

Том 2

**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2022**

УДК 316.325

ББК 60.521.8

М13

Редактор серии

T. Вайзер

Мадьяр, Б., Мадлович, Б.

М13 Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Том 2 / Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович; пер. с англ. Ю. Игнатьевой под ред. А. Решетникова.— М.: Новое литературное обозрение, 2022.— 888 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1738-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4448-1739-1

ISSN 1815-7912

После распада Советского Союза страны бывшего социалистического лагеря вступили в новую историческую эпоху. Эйфория от краха тоталитарных режимов побудила исследователей 1990-х годов описывать будущую траекторию развития этих стран в терминах либеральной демократии, но вскоре выяснилось, что политическая реальность не оправдала всеобщих надежд на ускоренную демократизацию региона. Ситуация транзита породила режимы, которые невозможно однозначно категоризировать с помощью традиционного либерального дискурса. Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович поставили перед собой задачу найти работающую аналитическую модель и актуальный язык описания посткоммунистических режимов. Так появилась данная книга, предлагающая обновленный теоретический инструментарий для анализа акторов, институтов и динамики современных политических систем стран Центральной Европы, постсоветского региона и Китая. Как в авторатах нейтрализуются институты демократического публичного обсуждения? Почему Китай можно назвать «диктатурой, использующей рынок»? В чем разница между западными популистами и популистами из посткоммунистических стран? Вот лишь небольшой список вопросов, на которые дает ответы эта книга. Балинт Мадьяр — венгерский социолог, политик, бывший министр образования и культуры Венгрии. Балинт Мадлович — венгерский политолог, экономист и социолог, MA in political science Центрально-Европейского университета.

УДК 316.325 + 94(439) «1989/201»

ББК 60.521.8 + 63.3(4Вен)64

Иллюстрация на обложке: © Picture by IADA on iStock

© Bálint Magyar, Bálint Madlovics, 2022

© Ю. Игнатьева, перевод с английского, 2022

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

5. Экономика

5.1. Гид по главе	6
5.2. Реляционная экономика как полемика с неоклассическим синтезом	10
5.3. Реляция	19
5.3.1. Основные определения: реляция, сотрудничество, говор	19
5.3.2. Сговор и коррупция: вариант типологии	26
5.3.2.1. Обоснование аналитической структуры	26
5.3.2.2. Добровольная коррупция: коррупция на свободном рынке, протекция для корешей и говор, инициированный государственным органом	33
5.3.2.3. Принудительная коррупция: захват государства снизу вверх и сверху вниз и криминальное государство .	44
5.3.3. Сравнительная типология коррупции: общие измерения и исследование проблемы трансформации коррупции на конкретном примере	56
5.3.3.1. Разделение сфер социального действия и прочие измерения	56
5.3.3.2. Типология брокеров-коррупционеров	63
5.3.3.3. От коррупционного риска до нормализации коррупции в госзакупках: пример Венгрии	72
5.3.4. Измерение масштабов коррупции, криминальная экосистема и роль коррупционных средств в выживании режима	86
5.3.4.1. Критика мировых показателей коррупции	86
5.3.4.2. Отношение криминального государства к несанкционированной противоправности	89
5.3.4.3. Криминальная экосистема: национальный и мировой уровень	99
5.3.4.4. Использование коррупционных средств: потребление, накопление и инвестирование в экономику и политику .	105

5.3.5. Реляция в коммунистических диктатурах	110
5.3.5.1. <i>Тотальное подчинение и три экономики</i>	110
5.3.5.2. <i>Блат в сравнении с другими формами коррупции</i>	113
5.3.5.3. <i>Влияние смены режима на динамику коррупции</i>	117
5.3.6. Культура реляции в посткоммунистическом регионе: от семейных обязательств до блата и гуаньси (<i>guanxi</i>)	119
5.4. Государственное вмешательство	125
5.4.1. Общие принципы	125
5.4.1.1. <i>Характер государственного вмешательства: нормативность и дискреционность</i>	125
5.4.1.2. <i>Инструменты государственного вмешательства</i>	134
5.4.2. Регуляционное вмешательство: разновидности создания ренты	141
5.4.2.1. <i>Основные определения</i>	141
5.4.2.2. <i>Нормативно- и дискреционно-закрытые рынки</i>	146
5.4.2.3. <i>Получатели ренты: от групп интересов до патрональных сетей</i>	156
5.4.2.4. <i>Сбор ренты государством: рентоориентированное государство</i>	162
5.4.3. Бюджетное вмешательство: виды налогообложения и расходования	166
5.4.3.1. <i>Основные определения</i>	166
5.4.3.2. <i>Налогообложение и его функции</i>	171
5.4.3.3. <i>Способы и модели государственного расходования</i>	175
5.5. Собственность	181
5.5.1. Политическая реорганизация структуры собственности в посткоммунистическом регионе	181
5.5.2. Совокупность основных черт приватизации: технократические и не технократические мотивы	195
5.5.2.1. <i>Технократическое измерение: открытость рынка приватизации и ее объект</i>	196
5.5.2.2. <i>Мотивы не технократического свойства: установление справедливости и трансформация власти</i>	202

5.5.3. Совокупность основных черт патронализации: хищничество и имущественные права	214
<i>5.5.3.1. От силовых предпринимателей до криминального государства: типология рейдерских практик</i>	217
<i>5.5.3.2. На пути к патронализации: эксогенные и эндогенные права собственности</i>	230
<i>5.5.3.3. Эксогенные права: типы национализации</i>	231
<i>5.5.3.4. Эндогенные права: результат патронализации</i>	242
<i>5.5.3.5. Система власть-собственность: от рыночной экономики к реляционной</i>	249
5.5.4. Хищничество и экономическая динамика: стоимость в фазе выслеживания и в фазе охоты, а также трофейная стоимость	251
<i>5.5.4.1. Хищники и жертвы: динамика передачи собственности при сером и белом рейдерстве</i>	251
<i>5.5.4.2. Динамика на макроуровне: структурное и циркулярное накопление имущества</i>	273
<i>5.5.4.3. Динамика на микроуровне: деформация предпринимательской деятельности и пузыри в реляционной экономике</i>	278
5.6. Сравнение экономических систем	293
5.6.1. Административный, конкурентный и реляционный типы рынков	297
<i>5.6.1.1. Доминирующие экономические механизмы</i>	297
<i>5.6.1.2. Социализм: административный рынок</i>	309
<i>5.6.1.3. Капитализм: от конкурентного рынка до реляционного</i>	317
<i>5.6.1.4. Модифицирующие механизмы реляционной экономики: двойная бухгалтерия и финансовые машинации</i>	323
<i>5.6.1.5. Коррупция: от модифицирующего механизма к доминирующей функции</i>	328
5.6.2. Смешанная рыночная экономика: динамический баланс трех экономических механизмов в диктатурах с использованием рынка	330
<i>5.6.2.1. Экономика в промежуточных типах режима</i>	330
<i>5.6.2.2. Бюрократическое перераспределение ресурсов и регулируемая рыночная координация: сеть партий- государства меняет модель, но не меняет режим</i>	333

<i>5.6.2.3. Регулируемая рыночная координация и реляционное перераспределение рынка: трехстороннее давление неформальности на реформированную партию-государство</i>	345
5.6.3. Типы политического капитализма: от капитализма для корешей до мафиозного капитализма	357
 6. Общество	
6.1. Гид по главе	366
6.2. Уровень общественных структур	369
Сети и общественная патронализация	
6.2.1. Порядки открытого и закрытого доступа: устранение силы слабых связей	369
<i>6.2.1.1. Общие определения и порядок открытого доступа либеральных демократий</i>	369
<i>6.2.1.2. Порядки ограниченного доступа в коммунистических диктатурах и патрональных авторатаиях</i>	380
6.2.2. Клиентарное общество: неравенство и социальная мобильность в патрональных авторатаиях	387
<i>6.2.2.1. «Удушающий прием»: холодная патронализация и дорога к клиентарному обществу</i>	387
<i>6.2.2.2. Понятие клиентарности и клиентарного общества</i>	394
<i>6.2.2.3. Клиентарные группы среднего уровня в политической и экономической сферах: «служилые дворяне» и «придворные поставщики»</i>	409
<i>6.2.2.4. Клиентарные группы высокого и низкого уровня: как рыночные преимущества и денежные трансферты трансформируются в дискреционные подарки</i>	417
<i>6.2.2.5. Сила сильных связей и социальная психология клиентарного общества</i>	422
6.3. Стабильность власти и политическое увещевание масс	431
6.4. Уровень дискурсов: идеология и политический рынок	442
6.4.1. Идеологический спрос: акторы и режимы, пользующиеся идеологией	445
<i>6.4.1.1. Универсальные функции идеологии</i>	445

<i>6.4.1.2. Управляемые идеологией и пользующиеся идеологией популисты</i>	450
<i>6.4.1.3. Управляемый идеологией, пользующийся идеологией и идеологически нейтральный типы режимов</i>	457
<i>6.4.1.4. Идеологические фасады, отвечающие интересам элит и приемной политической семьи</i>	461
6.4.2. Идеологический спрос: от политики идентичности до конспирологических теорий	474
<i>6.4.2.1. Функциональная когерентность спроса на популизм на Западе и на Востоке</i>	475
<i>6.4.2.2. «Мы»: достижение двусторонней функциональной когерентности путем использования аргументов о боге, нации и семье</i>	484
<i>6.4.2.3. «Они»: создание образа врага и стигматизация как способы использования идеологии</i>	500
<i>6.4.2.4 Социальная психология популизма: жертвенность и коллективный эгоизм</i>	508
<i>6.4.2.5. Универсальное объяснение: двусторонняя функциональность теорий заговора</i>	512
6.4.3. Краткая характеристика популизма: идеологический инструмент политической программы неограниченного с моральной точки зрения коллективного эгоизма	518
6.5. Модели неформального управления: краткая характеристика	525
 <i>7. Режимы</i>	
7.1. Гид по главе	542
7.2. Треугольная структура: определяя шесть режимов идеального типа	545
<i>7.2.1. Удвоение идеальных типов демократии, автократии и диктатуры, разработанных Корнаи</i>	545
<i>7.2.2. Одиннадцать измерений треугольной структуры</i>	554
7.3. Динамика режимов: типология и смоделированные траектории двенадцати посткоммунистических стран	569
<i>7.3.1. Общие определения: последовательность, траектория и смена конфигурации</i>	569

7.3.2. Первичные траектории после коммунизма (Эстония, Румыния, Казахстан и Китай)	575
7.3.2.1. Конец диктатуры и первичные траектории идеального типа	575
7.3.2.2. Смена режима на либеральную демократию: Эстония	579
7.3.2.3. Смена режима на патрональную демократию: Румыния	582
7.3.2.4. Смена режима на патрональную автократию: Казахстан	585
7.3.2.5. Смена модели на диктатуру с использованием рынка: Китай	589
7.3.3. Вторичные траектории после смены режима (Польша, Чехия, Венгрия и Россия)	591
7.3.3.1. Демократический откат и отсутствие прецедентов восходящего движения в рамках вторичной траектории	591
7.3.3.2. Откат к консервативной автократии: Польша	594
7.3.3.3. Откат к патрональной демократии: Чехия	599
7.3.3.4. Откат от либеральной демократии к патрональной автократии: Венгрия	604
7.3.3.5. Откат от олигархической анархии к патрональной автократии: Россия	610
7.3.4. Режимная петля и двойственность персональных и безличных институциональных изменений (Украина, Македония, Молдова и Грузия)	614
7.3.4.1. Антипатрональная трансформация, режимная петля и цветные революции	614
7.3.4.2. Режимная петля и цветные революции: Украина	620
7.3.4.3. Режимная петля и конфликт внутри элит: Македония	626
7.3.4.4. Режимная петля и иностранное вмешательство: Молдова	630
7.3.4.5. Попытка разорвать режимную петлю: Грузия	636
7.4. За рамками особенностей режима: особенности стран и политики	643
7.4.1. Этнические противоречия как источник плурализма и беспорядков	646
7.4.2. Глубинное государство и коммунистические спецслужбы	653

7.4.3. Размер стран и глобальные амбиции бывших империй	659
<i>7.4.3.1. Пересмотр стратификации однопирамидальных патрональных сетей</i>	659
<i>7.4.3.2. Имперские амбиции Китая и России</i>	666
7.4.4. Геополитическая ориентация и сосуществование либеральных и патрональных режимов в Европейском союзе	674
<i>7.4.4.1. Стержневые государства и притягиваемые ими государства в цивилизационных областях тяготения</i>	674
<i>7.4.4.2. Международные интеграции и Европейский союз как полу завершенный цивилизационный стержень</i>	679
7.4.5. Зависимый характер капитализма и глобальные связи локальных патрональных сетей.	699
7.4.6. Природные ресурсы и другие источники распределаемой ренты	714
<i>7.4.6.1. Нефть и природный газ</i>	716
<i>7.4.6.2. Международная финансовая поддержка</i>	722
<i>7.4.6.3. Трофейные компании и финансовые институты</i>	727
<i>7.4.6.4. Государственный бюджет</i>	730
7.4.7. Особенности политики: анализ режимов и пространство для маневра	733
<i>7.4.7.1. К альтернативной аналитической парадигме: от публичной политики к патрональной</i>	733
<i>7.4.7.2. Устойчивость и консолидация как критерии успеха патрональных режимов</i>	741
<i>7.4.7.3. Пространство для маневра: кризисы и социальные ограничения для политики, проводимой в нормальных условиях.</i>	747
Заключение	758
Значение языка и базовые аксиомы анализа посткоммунистических режимов	758
В поисках глобальной перспективы: избавление от скрытых аксиом при рассмотрении посткоммунистического региона	766
Технологии и климатические изменения: особенности эпохи и перспективы на будущее	772
Библиография	779
Глоссарий	857
Указатель имен	872

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКА И БАЗОВЫЕ АКСИОМЫ АНАЛИЗА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Хотя эта книга называется «Посткоммунистические режимы», она также могла бы называться «Новый язык для описания посткоммунистических режимов». Действительно, большая часть этой работы посвящена терминологии, и в ней неоднократно подчеркивается, насколько важно использовать правильный язык для описания явлений, которые мы наблюдаем. Возьмем пример из биологии: если использовать понятия, разработанные для описания рыб, такие как «жабры», «чешуя» и «плавники», мы не сможем хорошо описать слона. Утверждение, что у него нет жабр и плавников, мало что скажет нам о том, чем он в действительности является, да и назвать его «неполноценной» особенной рыбой, которая не живет в воде, было бы тоже бессмысленно. Если различия не просто значительные, но качественные, и позволяют выделить новый вид, то язык, который мы используем, должен учитывать это. Чтобы охватить уникальные особенности нового типа(ов), необходимо ввести новые понятия, которые будут четко отделены от других типов и их особенностей. Это не означает, что разные типы не могут иметь некоторые общие черты — и рыбы, и слоны являются позвоночными, — но существуют принципиальные различия, которые отличают их друг от друга в самой своей основе — при скрещивании рыбы и слоны не могут приносить жизнеспособного потомства¹.

Если говорить о посткоммунистических режимах, то «принципиальные различия» также можно назвать **системообразующими**, тогда как «сама основа» — это черты,

¹ О биологической классификации см.: Richards R. A. Biological Classification: A Philosophical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

из которых могут быть выведены все другие (специфические для режима) черты в посткоммунистической среде. Мы начали наше изложение с определения **ключевых социальных и управлеченческих структур в не отделенных друг от друга сферах социального действия** в Главе 1. Мы использовали эти структуры в Главе 2, где пришли к выводу, что (1) характерные формы посткоммунистических государств основываются на принципе интересов элит, поэтому необходимо сосредоточиться на тех понятиях, которые подразумевают наличие этого принципа, и (2) четыре аспекта, по которым можно классифицировать государства, — это природа правящей элиты, действия в отношении власти, действия в отношении собственности и законность этих действий. В качестве следующего логического шага мы определили неполные типы государств и скомпоновали их в полный тип, то есть такой, который можно определить с точки зрения всех четырех аспектов. Получившаяся комбинация из определений государства, руководствующегося интересами элит, является мафиозным государством, которое также представляет собой, исходя из определения «государства», центр власти в режиме, названном нами патрональной автократией. Затем в Части 2.4.6 мы противопоставили этот тип режима конституционному государству либеральных демократий, описанному с точки зрения тех же четырех аспектов, но с особенностями, следующими из принципа общественных интересов. Таким образом, «самые основы», отличающие эти два типа государства и два режима, это **доминирующий принцип функционирования государства**, а то, как режим функционирует на деле, в нашей **интерпретации** этого принципа, проявляется в **соответствии с ограничивающими условиями** посткоммунистических жестких структур. В остальной части нашего обсуждения, в Главах 3–6, которые посвящены особенностям режимов, тоже часто упоминаются принципы функционирования государства, а также базовые явления, присущие жестким структурам

(неформальные сети, власть-собственность, патронализм и патrimonиализм), которые указывают на те самые основы, в соответствии с которыми раскрывается сущность политических, экономических и социальных аспектов либеральной демократии и патрональной автократии¹. Включив в наш анализ уже существующую модель коммунистических диктатур Корнаи, мы выделили три **сильно отличающихся друг от друга «вида» режимов полярного типа**. И подобно тому как слон не является нелиберальной рыбой, патрональная автократия не является нелиберальной демократией, но представляет собой отдельный тип, логику которого невозможно понять, взяв за основу логику другого полярного типа, такого как западные (либеральные) демократии².

¹ Это правда, что в своей сравнительной типологии мы обращаем больше внимания на патрональные автократии и берем их структуру за нашу аналитическую основу. Мы сделали это намеренно, поскольку обнаружили, что именно патрональные режимы представлены в литературе недостаточно, а также не имеют четкой основы для рассмотрения элементов режима и подрежима, и нашей целью было в первую очередь восполнить этот пробел. Тем не менее, хотя мы рассматривали каждый режим (его акторов и т.д.), повторяя структуру анализа патрональных автократий, мы попытались прояснить, что другие режимы структурированы по-разному, а явления, вошедшие в наш сравнительный анализ, имеют в них разный вес и находятся в разных отношениях друг с другом.

² Некоторые авторы утверждают, что демократию западного типа не следует принимать за основополагающий концепт для осмысления даже не автократий, а «незападных демократий», потому что режим, не похожий на западную модель, может быть при этом демократией, даже если локальные условия и культура привносят определенные «экзотические» элементы, из-за которых его нельзя назвать западным (*Youngs R. Exploring «Non-Western Democracy» // Journal of Democracy*. 2015. Vol. 26. № 4. P. 140–154; *Lakatos J. Nyugatos És Nem Nyugatos Demokráciák* [Демократии западного и незападного типа]. Budapest: Méltányosság Politikaelemző Központ. 28.01.2019. URL: <http://www.meltanyossag.hu/content/files/Nyugatos%20%C3%A9s%20nem%20nyugatos%20demokr%C3%A1ci%C3%A9s%20.pdf>). Мы обсуждаем эту точку зрения в Главе 1: на уровне особенностей режима культура может привести к патронализму, а будет ли рассматриваемый режим демократическим или автократическим по сути, зависит от других факторов [► 1.5.2]. Однако незападной демократией является только патрональная демократия, потому что ей свойственна многопирамидальная сеть власти. Патрональная автократия, которая и в самом деле не является западным типом, также не является и демократией, поскольку для нее характерна однопирамидальная сеть власти.

Либеральная демократия, патрональная автократия и коммунистическая диктатура — это не просто три типа режимов: они являются **полюсами, формирующими свой язык**. Каждый из этих типов требует своего собственного языка, то есть по одномуциальному набору понятий, которые отражают уникальные характеристики режима или, скорее, принципиально иной контекст, формируемый этими характеристиками. Поскольку именно эти три режима формируют свои специфические языки, они и были выбраны в качестве полярных типов. При этом промежуточные типы — патрональную демократию, консервативную автократию и диктатуру с использованием рынка — можно описывать при помощи смешанных языков, созданных из первичных языков трех полюсов. Логика здесь аналогична логике цветового круга, показывающего отношения между основными цветами, которые нельзя получить путем смешивания других цветов (красный, желтый, синий), и дополнительными цветами, которые можно получить, смешав основные цвета (оранжевый из красного и желтого, фиолетовый из красного и синего и зеленый из желтого и синего). Языки трех режимов полярного типа подобны основным цветам: они образуют уникальные структуры, а их элементы нельзя получить через смешивание других языков. Однако языки трех промежуточных типов похожи на дополнительные цвета, поскольку они получаются из комбинаций понятий, взятых из языков соседних полярных типов¹. Так, язык патрональной демократии формируется путем смешения языков либеральной демократии (мультипирамидалная патрональная сеть) и патрональной автократии (неформальный патронализм); для консервативной автократии нужно объединить понятия из языка либеральной демократии (непатрональная экономика) и коммунистической диктатуры (бюрократический патронализм);

¹ Мы выражаем признательность Кларе Шандор за эту блестящую метафору.

а для диктатуры с использованием рынка — понятия из языка коммунистической диктатуры (бюрократический патронализм) и патрональной автократии (неформальный патронализм), хотя в этом случае, чтобы отразить все особенности этого режима, необходимо смешать понятия частной экономики и регулируемой рыночной координации.

Осознанность в отношении языка также дает некоторого рода свободу. Как объясняет Стивен Хокинг в книге «Высший замысел», написанной в соавторстве с Леонардом Модиновым, «не существует концепции реальности, не зависящей от картины мира или от теории. Мы же вместо этого примем точку зрения, которую станем называть моделезависимым реализмом», что означает, что «никакой моделенезависимой проверки реальности нет. Следовательно, хорошо построенная модель создает собственную реальность. <...> Моделезависимый реализм применим не только к научным моделям, но и к сознательным и подсознательным мысленным моделям, которые все мы создаем, чтобы интерпретировать и понять повседневность»¹. К социальным наукам это применимо настолько же, насколько и к естественным. Если мы смотрим на что-то, это запускает в нашем разуме когнитивные процессы. Без адекватной лингвистической и концептуальной базы мы станем пленниками собственных предрассудков; **без осознанных попыток осмысливать реальность в точных концептуальных терминах мы неизбежно застрянем в уже сложившихся рамках усвоенных допущений**, которые будут на подсознательном уровне подталкивать нас применять их повсюду. Подобно невидимым очкам, они фокусируют наше восприятие определенным образом, а неспособность осознать скрытые аксиомы, содержащиеся в наших словах, в итоге исказяет как интерпретацию, так и понимание реальности.

¹ Хокинг С., Модинов Л. Высший замысел. СПб.: Амфора, 2013. С. 49, 53, 194.

Именно пребывание в ловушке языка — без осознания этого — и свойственно мейнстримной гибридологии. Хотя гибридологи осознавали наличие уникальных режимов и бесспорно продвинулись в понимании механизмов создания демократических фасадов (Глава 4 основывается на их выводах), они не сумели осознать присутствие некоторых **фундаментальных аксиом** в своем подходе, и поэтому аксиоматически отрицали те явления, которые отличают западные режимы от посткоммунистических. Задача этой книги в том, чтобы разрушить эти аксиомы и снова начать контролировать язык вместо того, чтобы позволять языку управлять нами.

Основная аксиома мейнстримной гибридологии состоит в том, что **разделение сфер социального действия** существует в каждом обществе. Об этом можно судить по использованию для всех типов режимов таких слов, как «политик» и «предприниматель», или по тому, что эти акторы отождествляются в первую очередь с их формальными статусами, которые могут быть связаны с их неформальными статусами и положением лишь во вторую очередь. Из этой аксиомы следует, что множество явлений трактуются как **отклонения**, главным образом **неформальность и (неформальный) патронализм**. Даже когда гибридологи, такие как Левицкий и Вэй, подчеркивают «центральную роль неформальных институтов» в конкурентных авторитарных режимах, они интерпретируют их как некие творческие изобретения, необходимые в международной обстановке периода после холодной войны и «роста издержек формальных (например, однопартийных) авторитарных режимов», а не как следствие исторического и цивилизационного наследия и определяющий фактор развития не только авторитаристических режимов этого региона, но и демократических¹.

¹ Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 27–28. В статье, написанной через десять лет после знаменитой книги, авторы по-прежнему анализируют Венгрию, акцентируя внимание

Препарируя эту основную аксиому, можно увидеть, что уровень разделения социальных сфер рассматривается как нечто постоянное, хотя на самом деле это переменная величина. Мы начали с этого Главу 1, в которой рассмотрели понятие уровня разделения сфер как с цивилизационной, так и с исторической точки зрения. Тем самым мы доказали несостоительность аксиом, в соответствии с которыми неформальность и патронализм рассматриваются как отклонения. Отказавшись от логики, лежащей в основе языка либеральных демократий, мы допустили возможность того, что неформальность может иметь первостепенное значение для режима, а также что патронализм может быть его системообразующим элементом. Создавая язык для патрональных режимов¹, мы всегда учитывали эти основные моменты, без которых мы не смогли бы структурировать все политические, экономические и социальные явления посткоммунизма так же последовательно.

По нашему замыслу, понятия в этой книге находятся в строгом логическом порядке и составляют концептуальный инструментарий, а по сути — язык, состоящий из других языков, которые формируются полюсами режимов. Эти понятия соотносятся с явлениями реального мира, в подробностях задокументированными в многочисленных эмпирических исследованиях, которые мы цитировали на протяжении всей книги. Эти посткоммунистические явления подсказали нам, какие темы должна охватывать наша структура. Так,

на формальных институтах, и рассматривают партию «Фидес» как центрального актора режима (хотя это всего лишь приводной ремень [► 3.3. 8] приемной политической семьи Орбана, реального, неформального центрального актора). См: Levitsky S., Way L. The New Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. Vol. 31. № 1. P. 51–65.

¹ Языки либеральной демократии и коммунистической диктатуры по большей части существовали и ранее, поскольку находились на двух полюсах мейнстримной оси демократия — диктатура. Тем не менее мы структурировали их и отделили от патрональных режимов, используя такие концепции, как публичное обсуждение и субстантивно-рациональная легитимность [► 4.2].

конструируя утопические **идеальные типы** из наблюдаемых явлений по образцу Макса Вебера, мы выделили четко отделенные друг от друга строительные блоки, чтобы последовательно объединить их в единую конструкцию. Эти блоки объединяются при помощи политологических, экономических и социологических теорий, выбор которых был не произвольным, а отталкивался от необходимости создать единое целое. Из-за большого количества взаимосвязей между понятиями, на что указывает частое использование связующих стрелок в тексте, именно логика служит основным связующим механизмом между такими явлениями, как патронализм, мафииозное государство, приемная политическая семья, популизм, реляционная экономика и клиентарное общество. Эти понятия определяют модель идеального типа (в данном случае модель патрональной автократии), которую в качестве точки отсчета можно применять к реально существующим мировым режимам, процессам и явлениям. Поскольку ни одна страна, конечно же, не воплощает в себе этот тип на все сто процентов, он носит название «идеальный». Однако страны, где характеристики определенного режима являются доминирующими, то есть большинство наблюдаемых событий и явлений соответствуют определению данного режима, можно описать языком, который предлагает выбранный идеальный тип. А если в многомерной аналитической структуре выделить шесть моделей, то есть шесть режимов идеального типа, то это дает богатый набор понятий для дискуссии о посткоммунистических режимах. Будущим исследователям эта структура может быть полезна еще и потому, что она не только определяет место каждого явления, но и рассматривает его в контексте всех других явлений. Таким образом, подробное рассмотрение каждого элемента (чего мы были вынуждены избегать в этой книге) автоматически будет до-страивать нашу структуру. Иными словами, научные статьи, которые будут в силу необходимости касаться только одного

аспекта или элемента режима, будут, говоря нашим языком, вносить вклад как в понимание своего предмета, так и в наши знания о режиме в целом.

По большому счету в наши намерения входило не воспроизведение красочного хаоса существующей литературы, а создание стройной системы, с которой новички могут ознакомиться и которую исследователи могут использовать или подвергнуть критике.

**В ПОИСКАХ ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ:
ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СКРЫТЫХ
АКСИОМ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕГИОНА**

Основное ограничение нашей структуры — это область ее применимости: мы фокусировались на посткоммунистическом регионе, от Центральной и Восточной Европы через постсоветские страны до Китая. Из этого следует, что и в нашей структуре есть некоторые — невысказанные до этого момента — аксиомы, то есть факторы, которые мы считаем постоянными величинами, в силу принадлежности этих режимов к посткоммунистическому региону, по крайней мере в той степени, что они не вызывают системообразующих различий. Но в других регионах они могут быть другими. Следовательно, нашу структуру можно расширить до мирового масштаба, ведь если мы смогли избавиться от аксиом западной цивилизации, расширив наш лингвистический инструментарий для описания посткоммунистической действительности, то и аксиомы этого региона можно проблематизировать, чтобы описать явления, свойственные другим регионам.

Прежде чем раскрыть аксиомы, которых мы придерживались в отношении посткоммунистических режимов, стоит отметить, что за пределами посткоммунистического региона

существуют страны, которые можно описать с помощью нашего языка, не разрушая его аксиом. Так получилось непреднамеренно: мы определяли идеальные типы для конкретного региона, не задумываясь об особенностях других географических зон. Однако большинство либеральных демократий находятся за пределами посткоммунистического региона, особенно в западной цивилизации. Такие страны, как Австралия, Швеция или Соединенные Штаты, приближаются к идеальному типу либеральной демократии, который описан в нашей книге, поскольку при разработке этой модели мы обращались к популярным авторам, анализировавшим демократию и процессы внутри нее на примере либеральных демократий западного типа. Что касается другого конца оси демократия — диктатура, то в настоящее время коммунистические диктатуры существуют только за пределами посткоммунистического региона, а самым ярким примером режима такого типа является Северная Корея, в которой сохраняется чрезвычайно репрессивная коммунистическая диктатура почти идеального типа. Диктатура с использованием рынка, как правило, предполагает коммунистическое прошлое и, следовательно, может существовать в посткоммунистических странах, которые мы не рассматривали, например во Вьетнаме и Камбодже в Юго-Восточной Азии¹. Что касается патрональных режимов, то по предположению Хейла, во многих странах Латинской Америки и Африки к югу от Сахары, переживших смену режима после коммунистической диктатуры в 1990-х годах (Ангола, Бенин, Буркина-Фасо, Конго, Эфиопия, Мадагаскар, Мозambique, Сомали), существовало множество одно- и мультипиромидальных патрональных сетей². Хотя анализ этих стран в настоящее время требует отказа от некоторых принятых нами аксиом (см. ниже), понятия патрональной конкуренции

¹ Malesky E., London J. The Political Economy of Development in China and Vietnam // Annual Review of Political Science. 2014. Vol. 17. № 1. P. 395–419.

² Hale H. Patronal Politics. P. 466–467; Drew A. Communism in Africa.

и автократической консолидации или представление об их отсутствии можно в полной мере применять к этим странам. Монголия больше всего тяготеет к патрональной демократии, тогда как Сингапур представляет собой любопытный случай однопирамидальнойластной сети с многопартийными выборами и непатрональной экономикой, что в какой-то степени напоминает консервативную автократию¹.

Однако подробный анализ стран за пределами посткоммунистического региона выходит за рамки нашей компетенции, и мы убеждены, что некоторые явления, характерные для других регионов, невозможно адекватно интерпретировать с помощью нашей структуры. Другими словами, необходимо отказаться от некоторых из наших аксиом и осознать, что некоторые факторы, не являющиеся системообразующими в посткоммунистическом регионе, вполне могут быть таковыми в других географиях. Нам кажется, что наиболее неадекватными для анализа непосткоммунистических гибридных режимов можно считать следующие пять аксиом²:

- Аксиома генезиса: становление режима начинается с разрушения монополии государственной собственности. На схемах в Главе 7 каждая смоделированная траектория проанализированных нами стран начиналась в одном и том же «Квадрате № 1», то есть с коммунистической диктатуры. После ликвидации этого типа режима во всех посткоммунистических странах, независимо от их первичной траектории, монополия на государственную собственность была упразднена. В Главе 5 мы писали, что развитие института собственности шло рука об руку с политической властью, поскольку коммунистическая

¹ Hale H. Patronal Politics. P. 471–472.

² Так, предмет гибридологии выходит за рамки посткоммунистического региона и стремится описать каждый (не чисто демократический или диктаторский) режим в мире как некий гибрид. См., например: Bosch J. van den. Mapping Political Regime Typologies; Ekman J. Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2009. Vol. 30. № 1. P. 7–31.

национализация и приватизация при смене режима были последовательными шагами по политической реорганизации структуры собственности. Данную точку можно считать генезисом этих режимов, который оказал долгосрочное влияние на характер собственности, ее слияние с властью, а также на экономическую и политическую культуру региона. Впрочем, во множестве стран никогда не было монополии на государственную собственность, а значит, не происходило и коммунистической национализации, ровно как и приватизации при смене режима. Мы вкратце рассмотрели права собственности западного типа, но наша концепция может оказаться непригодной в режимах с другим происхождением, другой отправной точкой и другой историей формирования собственности. Примером здесь могут служить постколониальные страны.

- **Аксиома государственности:** центром режима является государство как стабильное образование, которое способно поддерживать монополию на легитимное применение насилия. Хотя мы определяем режим только как «центр политической власти», мы тут же отмечаем, что это выражение описывает именно государство в регионе. За исключением олигархической анархии, которая была в отдельных странах переходным периодом, мы не рассматривали режимы, для которых государственная несостоительность стала постоянно присущей чертой. Иначе говоря, мы не рассматривали гражданские войны или страны, где (a) государство настолько слабое, что оно перестает быть центром политической власти, либо где (b) нет такого бы то ни было государства, а вместо него действует ряд вооруженных групп и полевых командиров, ни один из которых не способен занять доминирующее положение и создать полноценное государство. Измерение силы государства не учитывается в нашей треугольной структуре, поэтому страны, в которых это свойство является отличительной чертой системы, нельзя корректно описать при помощи наших режимов идеального типа.

- **Аксиома секуляризма:** правящие элиты секулярны, а в государстве доминирует светская власть. В нашей структуре религия появляется (1) в контексте цивилизаций как знак разделения сфер социального действия и (2) как общинный феномен, представленный церквями как общинными акторами. Сейчас даже в Центральной Азии светская власть доминирует над религиозной. Руководящие государством правящие элиты действуют не как религиозные экстремисты, а как светские акторы. В этой книге мы не рассматриваем религию ни как объединяющую силу общества, ни как основной принцип функционирования государства. Из этого следует, что теократии и другие виды режимов, где доминирует религиозная власть, открывают новое измерение для разграничения режимов.

- **Партийная аксиома:** высшие формальные должности занимают политики из политических партий (не военные или монархи). В рассматриваемом нами посткоммунистическом регионе к власти не приходили военные хунты, как не было и государственных переворотов, а военные находятся в подчиненном положении по отношению к лицам, занимающим высшие формальные должности. Эти должности занимают не монархи, а законные президенты, премьер-министры или генеральные секретари партии, формально являющиеся политиками из политических партий. Доминирование этих акторов в политической сфере является аксиомой в нашей книге, но, на самом деле, если посмотреть на другие страны мира, то это лишь один из возможных вариантов. Для описания военных диктатур, а также королевств и наследственных монархий требуются понятия другого рода, которых нет в нашей структуре, включая такие разновидности правящей элиты, как вооруженные силы и аристократия.

- **Аксиома опеки:** *де-факто* сильнейший политический деятель режима является политическим актором и *де-юре*. Хотя фактических политических деятелей в патрональных

режимах следует рассматривать через их неформальные титулы, между формальными и неформальными носителями власти всегда имеются существенные совпадения. В частности, верховным патроном является, как правило, президент или премьер-министр. Но даже когда он занимает другой пост, как, например, Плахотнюк в Молдове, формально он все равно является политическим актором. При этом в гибридологии существуют так называемые режимы-опекуны, в которых формальные политические акторы на деле становятся политическими подставными лицами невыборных религиозных (например, Иран) или военных (например, Пакистан) властей, и при этом не являются явными теократиями или военными хунтами¹. Кроме того, мы не рассматривали режимы, подвергшиеся военному вторжению или так называемые марионеточные государства, где формально суверенное правительство не имеет реальной власти в стране и подчиняется иностранному государству.

Помимо этого, мы рассматривали цивилизационную при надлежность как переменную, но в ограниченном масштабе. Хантингтон перечисляет восемь основных мировых цивилизаций: синскую, японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и (возможно) африканскую². Мы рассмотрели только четыре из них, проследив их взаимосвязи с уровнем разделения социальных сфер. Эта взаимосвязь стала отправной точкой аргумента о жестких структурах и нашего общего понимания того, почему в определенных странах формируются определенные режимы и как их можно интерпретировать. Таким образом, чтобы разработать

¹ Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 14.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 54–59. Каценштейн и его соавторы делают мир аналогичным образом, уделяя особое внимание западной, китайской, японской, индийской и исламской цивилизациям. См.: Katzenstein P.J. A World of Plural and Pluralist Civilizations.

для этих стран подходящие типы режимов и аналитическую структуру, необходимо оценить уровень разделения сфер социального действия в японской, индуистской, латиноамериканской и африканской цивилизациях, отделив их от рассматриваемого нами посткоммунистического региона.

В конечном счете дело региональных экспертов — решить, являются ли (1) необходимость трансформации аксиом в переменные и (2) принадлежность к другой цивилизации достаточным основанием для создания нового, независимого аналитического языка. Для нас это открытый вопрос, и мы не будем пытаться дать окончательный ответ, обладая лишь частичными сведениями. Однако мы уверены в том, что если обращать внимание только на политическую институциональную среду или предположить, что социальные сферы априори отделены друг от друга, то ни один режим в мире нельзя будет понять адекватно. В конце концов анализ, который является не всесторонним, а лишь политологическим, экономическим или социологическим, может оказаться невосприимчивым к тем элементам, которые важнейшим образом влияют на динамику этих режимов и которые сами акторы ставят во главу угла, принимая важные решения.

ТЕХНОЛОГИИ И КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЭПОХИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Ключевым аспектом нашего представления об анатомии посткоммунистических режимов является **отделение особенностей режима от особенностей страны**. Хотя в литературе они часто неразличимы, их аналитическое разграничение — это важный организующий принцип для сравнительного изучения стран. Две страны могут быть патрональными авторократиями, то есть могут иметь одну и ту же систему власти с общей логикой и базовыми принципами функционирования,

тогда как ограничивающие их режим условия могут сильно различаться. В конце Главы 7 мы подробно разобрали третью группу, **характерные особенности политики**, которые обычно не определяют режим, но входят в обширный корпус литературы, посвященной социальным и экономическим последствиям государственной политики. Похожим образом представители власти, действующие в режимах одинакового типа и даже в странах с одинаковыми особенностями, могут вводить для достижения своих целей разные политические меры, а результаты этих мер могут различаться в зависимости от многих факторов. Однако что касается четвертой группы — **особенностей эпохи, то есть явлений, присущих определенному периоду**, — то мы пока лишь намекнули на них. Теперь, когда мы кратко изложили нашу точку зрения и основные способы того, как можно выйти за пределы посткоммунистического региона и анализировать другие географии, в заключение мы хотели бы изложить несколько идей, чтобы шагнуть из настоящего в будущее. Другими словами, мы попытаемся объяснить, как можно будет обновить нашу структуру, чтобы сделать ее более применимой для анализа политических режимов в ближайшие десятилетия.

В какой-то мере все зависит от эпохи. На протяжении большей части истории человечества ни одного из тех типов режимов, которые мы описываем, не существовало: до XX века не было коммунистических диктатур (и сейчас их тоже очень мало)¹, а либеральных демократий, которые сегодня довольно распространены, до эпохи Просвещения

¹ Некоторым читателям может показаться странным, что мы уделили такое большое внимание в нашей книге тонкостям коммунистических диктатур, несмотря на то, что это практически «вымерший вид». Это связано с тем, что нам было важно рассмотреть этот тип режима, поскольку он был необходим для создания треугольного пространства и построения траекторий режимов. Именно через подробное описание коммунистической диктатуры можно прояснить нововведения, отличающие патрональные автократии и диктатуры с использованием рынка от классической модели диктатуры, что также способствует деконструкции частых исторических аналогий с коммунизмом.

(XVIII век) не существовало даже на уровне идей. Тем не менее мы хотим упомянуть два явления, которые строго привязаны к эпохе, то есть они развиваются с течением времени, и их можно довольно четко отличить от особенностей режима, страны и политики, которые мы описывали. Речь идет об **информационных технологиях и климатических изменениях**. По состоянию на 2021 год эти явления не привели к возникновению системообразующих различий, а их роль в функционировании режима была подчинена другим особенностям, так что они не превратились в самостоятельную силу, определяющую функционирование режима как такового. Конечно, интернет изменил характер процессов публичного обсуждения, предоставив, как мы упоминали в Главе 4, новые пространства для общения, источники информации и возможности для манипулирования. *Facebook*, *Twitter* и другие средства массовой информации поставили перед авторитарными новыми задачи и открыли новые возможности для оппозиционных движений. Однако мы полагаем, что именно в контексте двух вышеупомянутых особенностей **мы находимся в шаге от важного поворотного момента**, в результате которого облик посткоммунистических режимов, какими мы их знаем, может кардинально измениться в предстоящие несколько десятилетий.

Если говорить о режимах и их правящих элитах, то **развитие информационных технологий меняет методы контроля и угнетения**. Лучший тому пример — Китай, который уже называют «жандармским государством» и «цифровым тоталитарным государством»¹ из-за своих новейших систем интернет-контроля, использующих супермассивы данных, а также из-за так называемой системы социального кредита. В специальном выпуске *Journal of Democracy*, озаглавленном

¹ China Invents the Digital Totalitarian State // The Economist. 17.12.2016. URL: <https://www.economist.com/briefing/2016/12/17/china-invents-the-digital-totalitarian-state>.

«Путь к цифровой несвободе», Сяо Чен объясняет, что китайское государство «создало ряд механизмов, направленных на утверждение своего господства в киберпространстве. Кроме того, они все чаще сочетают в себе разветвленную инфраструктуру наблюдения, принуждения и передовых цифровых технологий. <...> Государственные органы и компании, которые с ними сотрудничают, посредством максимального использования информации и ресурсов, могут превратить эти инновационные технологии в инструменты для манипулирования обычными гражданами. Например, большие массивы данных — это бесценный ресурс для прогнозирования. Чиновники могут использовать этот потенциал, чтобы предвидеть протесты и даже серьезные всплески общественного мнения в сети, что при подавлении оппозиции позволяет им действовать на опережение. В другом примере авторитарного использования больших объемов данных [китайские] власти работают над интеграцией информации из широкого спектра источников в общенациональную систему социального кредита, которая будет оценивать поведение каждого человека в стране — инновация, достойная пера Джорджа Оруэлла и его романа „1984“. По меткому выражению журнала *Wired*, в Китае в ходе операций по слежке нового поколения „большие данные встречаются с Большим братом“»¹. Хотя современные автократии и диктатуры уже покончили с кровавыми репрессивными методами, такая эффективность больших данных и информационных технологий открывает **совершенно новый простор для применения дискреционных наказаний на пути от прямого насилия к экзистенциальной уязвимости.**

¹ Qiang X. President Xi's Surveillance State. P. 53–54. Также см. Botsman R. Big Data Meets Big Brother as China Moves to Rate Its Citizens // Wired UK. 21.10.2017. URL: <https://www.wired.co.uk/article/chinese-government-social-credit-score-privacy-invasion>. Чен также добавляет, что партия-государство Китая ожидает, что к установленной дате в 2020 году в систему социального кредита вступят каждый гражданин Китая.

Мы можем наблюдать, как в ответ на потенциал информационных технологий в расширении человеческих возможностей и противодействии угнетению¹, авторитарные режимы с имперскими амбициями пытаются добиться своего рода «цифровой автаркии», например с помощью «Великого китайского файрвола» и ужесточения правил пользования интернетом в России. В конце 2019 года российский режим успешно протестировал национальную альтернативу глобальному интернету, отключив страну от всемирной паутины², а Путин даже предложил создать «надежную» русскую версию Википедии, заменив сайт, редактируемый пользователями, новой Большой российской энциклопедией за 1,7 млрд рублей налоговых денег (около 24 млн евро)³. В XXI веке вопрос о том, будут ли информационные технологии служить целям освобождения или угнетения, остается открытым. Мы можем только предполагать, что поскольку авторитары учатся друг у друга⁴, новые технологии угнетения будут распространяться и в будущем. Так, борьба освободительных тенденций с репрессивными становится не только еще более глобальной, но и в целом меняет наши представления о возможностях авторитатических правителей.

Другое специфическое для эпохи явление, которое может иметь фундаментальные последствия для посткоммунисти-

¹ См.: Lim M. Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011 // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. № 2. P. 231–248; Theocharis Y. et al. Using Twitter to Mobilize Protest Action: Online Mobilization Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi Movements // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. № 2. P. 202–220.

² Wakefield J. Russia «successfully Tests» Its Unplugged Internet // BBC News. 24.12.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-50902496>.

³ France-Presse, Agence: Vladimir Putin Calls for «reliable» Russian Version of Wikipedia // The Guardian. 05.11.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/05/vladimir-putin-calls-for-reliable-russian-version-of-wikipedia>.

⁴ Weyland K. Autocratic Diffusion and Cooperation: The Impact of Interests vs. Ideology // Democratization. 2017. Vol. 24. № 7. P. 1235–1252.

ческих режимов в будущем, это **климатические изменения**. Оно отличается от других внешних проблем: экономические кризисы могут быть случайными или циклическими, а изменение климата — это долгосрочное и необратимое испытание; и такие события, как эпидемия коронавируса, хоть и могут изменить структуру глобализации, не меняют режимы как таковые (только усиливая их наиболее важные особенности), тогда как изменение климата может подорвать режим. Оно ставит перед мировой политикой в целом и перед посткоммунистическими автократиями в частности два типа проблем. Во-первых, большинство ученых утверждает, что изменение климата потребует глобальных решений, то есть международного сотрудничества, которому может препятствовать тот же фактор, который разрушает сплоченность ЕС, а именно гетерогенность режимов. Конечно, борьба с изменением климата — это общая задача, стоящая перед человечеством, одинаково важная для народов как либеральных, так и патрональных режимов. Но если представители власти трактуют эту задачу таким же образом, то их политика должна быть не патрональной, а публичной, то есть такой, которой редко придерживаются верховные патроны. Так или иначе не только режимы, но и **отношения между режимами могут радикально измениться в ближайшие несколько десятилетий**. Во-вторых, в число последствий изменения климата входят опустынивание, повышение уровня моря и **массовая миграция** из менее пригодных для проживания районов в более пригодные. Все это является источником огромных проблем: массовая миграция может потенциально подорвать политические режимы как в направляющих, так и в принимающих странах, а последним придется столкнуться еще и с большим гуманитарным и/или экономическим бременем, даже если это автократии¹. В итоге **две характерные для эпохи**

¹ Cp.: *İçduyu A., Şimşek D.* Syrian Refugees in Turkey: Towards Integration Policies // Turkish Policy Quarterly. 2016. Vol. 15, № 3. P. 59–69.

особенности порождают как проблемы, так и новые возможности для поддержания режимов в посткоммунистическом регионе, которые могут начать третичные траектории в трудно предсказуемых направлениях.

Хотя эта книга, возможно, довольно близка к выдающейся работе Яноша Корнаи «Социалистическая система» и отчасти построена по ее образцу, между ними есть огромная разница: согласно книге Корнаи, опубликованной в 1992 году, советская империя исчезла, а изменения посткоммунистических режимов не ограничены временем¹. Идеальные типы, которые мы предложили, применимы к политическим системам, появившимся в последние три десятилетия, но они могут оказаться менее полезными в будущем, поскольку режимы в регионе продолжают меняться. Отчасти это связано с особенностями эпохи, то есть с внешними факторами, но внутренние факторы тоже могут играть свою роль. История неоднократно доказывала, что власть народа — это величайшая сила против врагов свободы, от начинающих популистов с их попытками установления автократии и автократическими прорывами до консолидированных патрональных автократий во главе с верховными патронами. И хотя цивилизации и уровень разделения социальных сфер эволюционируют медленно, ни один культурный контекст не является неизменным. Если мы знаем, что искать, то осознанное действие всегда может преодолеть эффект колеи и проложить новый путь.

Как бы то ни было, у нас есть хорошие новости: история не закончилась.

¹ Это соображение высказал Ласло Чаба в своей рецензии на нашу рукопись.